

БЕЗ РОМАНОВ, повестей, сказок, пьес, очерков Василия Белова не представишь современную отечественную литературу.

И вот перед читателями еще одна его книга «Воспитание по доктору Споку». На этот раз — городской прозы. Книга складывалась постепенно. Когда-то давно, десятилетия назад, были опубликованы «Плотничьи рассказы». Действие их происходило в деревне, но появился новый для Белова «городской герой» — Костя Зорин. Годы спустя, также отдельно, как самостоятельные произведения печатались в журналах то рассказы, то маленькие повести «Моя жизнь», «Воспитание по доктору Споку», «Свидание по утрам», «Чок-получок».

Но уже все зывало в них к объединению, к срастанию друг с другом. Единство героя, проблемы, стиля, наконец.

Писателю пришлось подчиниться. И как главы одной книги эти произведения наполнили друг друга новым пониманием, многозначностью...

Настойчивая дидактичность книги «Воспитание по доктору Споку» вначале смущала критиков. Прежде всего увидели первый, остросоциальный, публицистический пласт ее. Увидели размышления о причинах многочисленных семейных развалов, вторжения в семейно-бытовую проблематику. Да и как было пройти мимо беловских героинь Татьяны и Антонины, если автор всей силой своего дидактического дара, всем острием пера публициста подталкивал к подобному прочтению городского цикла! Так был зафиксирован «...конфликт нетерпеливой эмансипации и стойкого патриархата». Василий Белов одним из первых в современной литературе поставил проблему «свободной женщины», которой мешают привычные понятия семейного долга, нравственности, а иной раз, как заметил В. Гусев, мешает сама женственность.

С такой узкой «семейной площадки» Василий Белов заговорил о жизненных позициях человека, о высоте духа одних, коррозии души других. Читатель заметит, что не так уж локальна сама «семейная площадка». Добрая треть действия проходит на производстве, на стройке, где работает прораб инженер-строитель Константин Зорин. Разве не раскрываются именно здесь

резко очерченные характеры бригадира Трошиной, каменщика «божьей милостью» дяди Паши! Совсем мало места отведено молоденькому практиканту-электромонтеру, даже по имени не назван, а характер хоть эскизно, но вылеплен, запомнился.

Прошло некоторое время, остыли страсти вокруг гримас женской «независимости» в трактовке писателя, открылся новый пласт книги. Публицист Белов дидактически диктовал острую проблему семейных неурядиц, зывал к воспитанию чувств. Художник Белов копнул глубже, он уже в конце шестидесятых — начале семидесятых годов вывел в литературе новый тип, взятый из самых глубин современной породной жизни.

Одним из первых Василий Белов обратил внимание на опасную фигуру стороннего

Костей Зориным ставить почти некого. Художественное открытие налицо. Но как долго критика боялась осознать такого героя, какой длинный подбор имен надо было уложить в ряд, чтобы его заметили!

Жизнь всегда ставит проблему: уйти или бороться. Зорин предпочитает уход. Уход из семьи, попытка ухода с работы, в конце концов уход в запой. Зорин симпатичен нам многими своими качествами. Он добр, бескорыстен, он придет на помощь слабому, ему чужд мир потребителей, но свой мир он безнадежно потерял. Он лишен цельности, лишен корней. Как пережить-поле, пробует он зацепиться за что-нибудь, самоутвердиться в чем-то, но все напрасно. Новый порыв ветра — и его несет дальше. Вот и игра с ружьем в офицерскую

лова. Исповедальный характер книги Василия Белова не в том, что повествование ведется от первого лица, а именно в постоянной самооценке, самооправдании его героев Татьяны и Кости. Полностью построены как исповеди две главы из книги «Моя жизнь» и «Чок-получок», в остальных же повествование от автора перемежается с явно исповедальной интонацией от героя. В прежних книгах с цельным героем, с крепкими корнями связями, со стихией народного слова Белову не нужна была такая форма, она бы диссонировала с содержанием, писатель шел от сказа, это заметно еще и в «Плотничьи рассказы» — первой главе новой книги. С новым героем, с его потерянностью и ненайденным миром диссонировал бы сказ, иной микроклимат личности требовал иных средств выражения, прежде всего исповедь, побужденную «...либо желанием поделиться грузом пережитого... либо намерением показать, либо, наконец, надеждой оправдать себя в своих глазах. Но в любом случае — облегчить душу».

Меня радует исповедальная проза Белова — настоящий художник не может повторять даже самого себя. И в форме, и в теме, и в пафосе проблем старается постичь он суть своего времени. Не стеснясь порой и дидактики, постоянно уходя от проторенных им же дорожек, он пишет о том, что считает для себя самым важным. Поэтому и пишет, что уверен — это поможет «к делу приступить», верит в великую воспитательную силу литературы, отражающей духовную жизнь народа.

Владимир БОНДАРЕНКО

ОТЗЫВЧИВОСТЬ ТАЛАНТА

Василий Белов. «Воспитание по доктору Споку». Сборник прозы. Издательство «Современник», М. 1978.

наблюдателя жизни, «лишнего человека» в обществе. Иные эпигонствующие писатели, статьи, и отгугнувшие от «деревенской» прозы часть критиков и читателей, на все лады переиначивали Ивана Африканыча, раздирая по клочкам органичные беловские идеи «Привычного дела», сам художник шел к новым проблемам, новым характеристам.

Кто он, этот беловский рефлексирующий инженер Костя Зорин? Или его собирать по духу: Гамлет из поселка Уш А. Курчаткина, соглядасть Т. Пулатова, братья Ланины В. Личутина, учитель Мейснер А. Кима, доигравшийся до самоубийства Зилов А. Вампилова? (Сравните параллель: игра с ружьем Зилова — и такая же игра с ружьем Зорина.)

Сегодня налицо целый пласт серьезной литературы, посвященной этому герою. В пору написания «Плотничьи рассказы», да и ко времени «Моей жизни» и «Воспитания по доктору Споку» рядом с

рулетку, — что это? Трудный путь к себе? Выявление потенциальных возможностей личности? Или просто несостоятельность ее?

Константин Зорин, принимающий жизнь, как она есть, работающий добросовестно-пассивно, любящий искренне-пассивно, — антигерой Белова, и сам писатель, при всей симпатии к нему, выросшему на глазах, не скрывает своего резко критического отношения к этому герою. Он не доверяет Зорину. Он чувствует социальную ненадежность его.

Сложно отношение автора к своему герою. Не менее сложно выражение этого отношения в слове.

Прозвучало художественным откровением использование приема «ненадежного рассказчика», которому автор поручает вести рассказ, несколько не доверяя ему, в «Маленьких романах» эстонского писателя Эйна Ветемаа. Не ожидая, не заметили такого же приема в русской прозе у Василия Бе-